

© 2024. И. В. Дергачева

Московский государственный психолого-педагогический университет,
Государственный университет просвещения
г. Москва, Россия

**Анагогический уровень русской классической литературы:
проблемы малой и большой эсхатологии в романе
Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»**

*Статья подготовлена в рамках государственного задания
№ 124052100046-3*

Аннотация: Новая концепция истории русской литературы предполагает герменевтическое прочтение текстов классики, позволяющее понять заложенные в ней скрытые смыслы, отражающие христианский фундамент отечественной культуры. Необходимость взглянуть на творчество русских писателей XIX в. как на отражение своеобразного дискурса прецедентных христианских текстов ставит перед учителями и преподавателями литературы необходимость освоения дополнительных образовательных программ по «Духовно-нравственным основам русской словесности». В данной статье приведен анализ образов малой и большой эсхатологии в последнем романе Великого пятикнижия Ф. М. Достоевского, отражающих аксиологические взгляды писателя. Показано, что содержание последнего романа Достоевского содержит одухотворяющую и просветляющую мир силу христианского жизнестроительства.

Ключевые слова: русская классика, Ф. М. Достоевский, духовно-нравственные основы, русская словесность, прецедентные тексты, анагогический уровень.

Информация об авторе: Ирина Владимировна Дергачева, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет, Шелепихинская наб., 2а, 123290 г. Москва, Москва, Государственный университет просвещения, ул. Фридриха Энгельса, д. 21, стр. 3, 105005 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>

E-mail: krugh@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 29.09.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 18.10.2024

Дата публикации статьи: 25.12.2024

Для цитирования: Дергачева И. В. Анагогический уровень русской классической литературы: проблемы малой и большой эсхатологии в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 4. С. 176–187. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-176-187>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 4, 2024, pp. 176–187. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 4, 2024, pp. 176–187. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Irina V. Dergacheva

Moscow State University of Psychology and Education,
State University of Education
Moscow, Russia

Anagogical Level of Russian Classical Literature: Problems of Small and Large Eschatology in the Novel “Brothers Karamazov” by F. M. Dostoyevsky

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the state assignment no. 124052100046-3.

Abstract: The new concept of the history of Russian literature presupposes a hermeneutic reading of the texts of classics, allowing us to understand the hidden meanings embedded in them, reflecting the Christian foundation of Russian culture. The need to look at the work of Russian writers of the 19th century as a reflection of a unique discourse of precedent Christian texts poses the need for teachers and lecturers of literature to master additional educational programs on the “Spiritual and Moral Foundations of Russian Literature.” This article provides an analysis of the images of small and large eschatology in the last novel of the Great Pentateuch by F. M. Dostoevsky, reflecting the axiological views of the writer. The research demonstrates that the content of Dostoevsky’s last novel contains the spiritualizing and enlightening power of Christian life-building for the world.

Keywords: Russian classics, F. M. Dostoevsky, spiritual and moral foundations, Russian literature, precedent texts, anagogical level.

Information about the author: Irina V. Dergacheva, DSc in Philology, Professor, Moscow State University of Psychology and Education, Shelepkhinskaya Emb., 2a, 123290 Moscow, Russia; State University of Education, Fridrikha Engelsa St., 21/3, 105005 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>

E-mail: krugh@yandex.ru

Received: September 29, 2024

Approved after reviewing: October 18, 2024

Published: December 25, 2024

For citation: Dergacheva, I. V. “Anagogical Level of Russian Classical Literature: Problems of Small and Large Eschatology in the Novel ‘Brothers Karamazov’ by F. M. Dostoyevsky.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 4, 2024, pp. 176–187. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-176-187>

Использование традиционных филологических подходов не позволяет корректно описать границу между светским и духовным в русской классической литературе. Для адекватного восприятия памятников русской словесности необходимо учитывать их связь с памятниками древнерусской литературы. Имена Пушкина, Толстого и Достоевского вошли в золотой фонд мировой литературы. Русская классическая литература сформировала то, что во всем мире известно как «великая русская душа». Однако духовные силы и нравственные основы эти писатели черпали из богатейшего источника — литературы Древней Руси, насчитывающей десять веков существования. Об этом пишут современные литературоведы, в том числе Ю. В. Лебедев, В. Н. Захаров, И. А. Есаулов, выстраивая новую концепцию русской классической литературы, исходя из предпосылок о том, что русская классика глубоко укоренена в христианской культуре и что без обращения к доминантному для России типу христианской духовности отечественная словесность не может быть адекватно истолкована [Лебедев], [Захаров], [Есаулов]¹.

Т. А. Касаткина подчеркнула значение анагогического уровня текстов Достоевского при герменевтическом прочтении его трудов: «Анагогический уровень — это самый глубокий и устойчивый (и потому наиболее близко подходящий к запредельному, или, буквально — крайнему (эсхатологическому)) духовный уровень прочтения текста — и с точки зрения этого уровня отдельные события “исторической” истории, могущие быть довольно далеко отстоящими между собой в историческом времени, являются его проявлениями» [Касаткина: 99–100].

В связи с необходимостью глубокого герменевтического анализа произведений русской классической литературы и поиска скрытых

¹ См. также коллективную монографию «Танатологическая тема в русской словесности XI–XXI вв.», где проводится анализ рецепции эсхатологических мотивов в русской классической и современной литературе [Воропаев, Дергачева, Конявская, Мильков].

в ней духовных смыслов представляется необходимым повысить уровень знаний учителей русского языка и литературы в области русской словесности в ее культурно-историческом контексте с позиции преемственности развития литературных направлений. Этому могут способствовать программы дополнительного профессионального образования «Духовно-нравственные основы русской словесности», направленные на обучение анализу ключевых произведений русской словесности XI–XXI вв. с учетом соответствующих художественных методов и мировоззрения авторов. Целью подобных программ является развитие навыков учителей русского языка и литературы в области переосмысления литературного наследия в его религиозном, историко-культурном и литературном контексте. Знание отечественного литературного наследия способствует духовно-нравственному развитию гражданского общества.

По нашему мнению, значительная часть подобной программы должна быть посвящена Ф. М. Достоевскому, творчество которого является одним из высших достижений христианского реализма в мировой литературе. В данной статье мы рассмотрим аксиологический контекст последнего романа Великого пятикнижия Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Он обусловлен постановкой важных для всей истории русской литературы тем малой и большой эсхатологии, занимающих в романе ведущее место.

Устами Дмитрия Карамазова Достоевский раскрывает основную дихотомическую оппозицию в романе — борьбу сил добра и зла: «Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды... Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» [Достоевский 14: 100].

Эпиграф романа Достоевского «Братья Карамазовы»: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоанна, XII, 24), указывает на эсхатологический подтекст романа, в котором ставятся вопросы малой и большой эсхатологии¹.

Мученик I в. Игнатий Антиохийский в «Послании к Римлянам» в качестве метафоры смерти использует образ пшеницы (умирая, она

¹ «Малая эсхатология» — условное название описания посмертной судьбы человека после смерти бренного тела. «Большая эсхатология» — описание апокалиптической картины Страшного суда.

дает новую жизнь, хлеб же из нее — символ евхаристии). Он, как и другие Отцы церкви, проповедовал, что смерти подвержено лишь тело. Душа бессмертна, а душа праведника бессмертна в блаженстве (бесконечном созерцании Христа). Душа же грешника бессмертно горит в вечном огне ада.

Иоанн Златоуст продолжает дискурс о нравственном потенциале понятия «воздаяния и возмездия», опираясь на слова Бога «воздасть комуждо по деянием его» (*Мф.* 16, 27). Он описывает муки грешника в аду, где огонь неугасим, а червь неумирающ, где тьма крошечная и скрежет зубовой, где скорбь и сокрушение. Григорий Богослов развивает тему воздаяния, которое начинается сразу после телесной смерти человека. Праведники покоятся на небе на лоне Авраамовом или в горнем Иерусалиме, «не зримом, но умосозерцаемом граде», наслаждаясь «чистейшим и совершеннейшим осиянием Троицы». Души же умерших грешников нисходят в ад, где их ждут «клокочущий пламень, ужасная тьма и всегдашнее памятование наших грехов». Однако самым сильным наказанием для грешников является отвержение их Богом. То есть отцы Церкви ставили вопрос о двойственной природе мучений — физических и мысленных.

Достоевский продолжает святоотеческую тему о двойственной природе наказания. Федор Павлович вопрошает Алешу, выражая сомнения в физической природе страданий грешников, но уже не сомневается в неизбежности загробных физических мучений Смердякова, еще не зная, что тот пойдет на грех отцеубийства (рассказ о солдатике, не отвергшемся Православия в азиатской стране и заживо лишенном кожи). Ф. М. Достоевский с детства читал отцов Церкви и глубоко усвоил святоотеческое учение, о чем свидетельствуют не только его художественные произведения, иллюстрирующие самые глубокие аксиологические проблемы, но и описание его библиотеки¹.

Локусы иного мира показаны Достоевским в традиционных образах и имплицитно. Традиционный ад показан писателем в истории грешной бабы, попавшей в огненное озеро [Костенко]. Притча о луковке имеет своим источником как народную быличку, так и синодичные предисловия, представляющие образы малой эсхатологии.

¹ См. раздел «Богословие. Спиритизм. Философия. История». С. 104–147. [Библиотека Ф. М. Достоевского].

Эта история имеет глубокий аксиологический смысл — милосердие Господа безгранично, «злющая-презлющая» баба могла бы искупить свою грешную жизнь одним только актом милосердия — поданной нищенке луковкой, да еще и спасти из огненного озера других грешников, уцепившихся за нее. Отказавшись их спасти, она окончательно губит свою душу и остается в аду до Второго пришествия: «Жила-была одна баба злющая-презлющая и померла. И не осталось после нее ни одной добродетели. Схватили ее черти и кинули в огненное озеро. А ангел-хранитель ее стоит да и думает: какую бы мне такую добродетель ее припомнить, чтобы Богу сказать. Вспомнил и говорит Богу: она, говорит, в огороде луковку выдернула и нищенке подала. И отвечает ему Бог: возьми ж ты, говорит, эту самую луковку, протяни ей в озеро, пусть ухватится и тянется, и коли вытянешь ее вон из озера, то пусть в рай идет, а оборвется луковка, то там и оставаться бабе, где теперь. Побежал ангел к бабе, протянул ей луковку: на, говорит, баба, схватись и тянись. И стал он ее осторожно тянуть и уж всю было вытянул, да грешники прочие в озере, как увидали, что ее тянут вон, и стали все за нее хвататься, чтоб и их вместе с нею вытянули. А баба-то была злющая-презлющая, и почала она их ногами брыкать: “Меня тянут, а не вас, моя луковка, а не ваша”. Только что она это выговорила, луковка-то и порвалась. И упала баба в озеро и горит по сей день. А ангел заплакал и отошел» [Достоевский 14: 319].

Образ луковки как символ милосердия повторяется и в тонком сне Алеши, являющем ему описание посмертной судьбы его духовного наставника¹. Слушая Евангелие, Алеша засыпает и попадает на свадьбу в древнюю Кану, где среди гостей видит и покойного старца Зосиму. Встреча живого человека с умершим в контексте христианства может расцениваться не как сон, а как некая трансфизическая реальность, поскольку «Бог же не есть Бог мёртвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лука 20: 38).

«Но что это, что это? Почему раздвигается комната... Ах да... ведь это брак, свадьба <...> Голос его, голос старца Зосимы <...> Веселимся, —

¹ Описание «тонкого сна», в течение которого праведникам по воле Божией открываются эсхатологические тайны, характерно для древнерусских апокрифов. В дальнейшем в русской классической литературе эта традиция отражена в виде вещей снов, явленных героям художественных произведений.

продолжает сухенький старичок, — пьем вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей? Вот и жених и невеста, вот и премудрый архитриклин, вино новое пробует. Чего дивишься на меня? Я луковку подал, вот и я здесь. И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке...» [Достоевский 14: 327]. Таким образом, символическая деталь, луковка, объединяет в романе Достоевского локусы рая и ада.

Представлены в романе и образы Большой эсхатологии в апокрифе «Легенда о великом инквизиторе», рассказанном Иваном Карамазовым [Дергачева]. Суть «Легенды» Достоевский раскрыл в письмах и определил во «вступительном слове, сказанном перед чтением главы «Великий инквизитор» на литературном утре в пользу студентов С.-Петербургского университета 30 декабря 1879 г.:

Один страдающий неверием атеист в одну из мучительных минут своих сочиняет дикую, фантастическую поэму, в которой выводит Христа в разговоре с одним из католических первосвященников — великим инквизитором. Страдание сочинителя поэмы происходит именно от того, что он в изображении своего первосвященника с мировоззрением католическим, столь удалившимся от древнего апостольского православия, видит воистину настоящего служителя Христа. Между тем его великий инквизитор есть, в сущности, сам атеист. Смысл тот, что если исказишь Христову веру, соединив ее с целями мира сего, то разом утратится и весь смысл христианства, ум несомненно должен впасть в безверие, вместо великого Христова идеала созиждется лишь новая Вавилонская башня. Высокий взгляд христианства на человечество понижается до взгляда как бы на звериное стадо, и под видом *социальной* любви к человечеству является уже не замаскированное презрение к нему [Достоевский 15: 198].

Если в «Великом инквизиторе» представлен сатана, искушающий Христа в пустыне, то ад Ивана — мысленный и он, как великий грешник, проходит квадриллион пути для того, чтобы попасть в рай и провозгласить Осанну. Путь Ивана – путь Теодицеи.

Локусы иного мира, представленные в романе, имеют источником святоотеческую традицию. Мы знаем, что в реконструированной домашней библиотеке Достоевского был целый раздел духовных книг, большинство из которых были каноническими, а часть из них пред-

ставляли библейские эсхатологические апокрифы. Сочинение шведского мистика XVIII в. Э. Сведенборга описывало обитатели иного мира, и можно предположить, что образ черта, ведущего диалог с Иваном, заимствован именно из трактата «О Небесах, о мире духов и об аде» Сведенборга:

Все жители ада обретаются во зле и затем во лжи, и нет там никого, кто бы находился в то же время во зле и в истине... Все духи в аду, рассматриваемые при некотором свете небесном, предстают в образе своего зла, потому что каждый из них есть изображение своего зла, ибо в каждом внутреннее и внешнее составляют одно, и внутреннее видимо проявляется во внешнем, то есть в лице, теле, речи и движениях... Следует, однако ж, знать, что адские духи кажутся такими только при небесном свете, но что между собой они кажутся людьми <...> но эта видимость обманчива, потому что если только несколько небесного света проникнет к ним, то их человеческие образы превращаются в чудовищные... [Сведенборг: 371–374].

Сведенборг описывает то, что впоследствии откроет нам Достоевский — люди еще при жизни пребывают в *locis inferno* — и спасает их из земного ада любовь-милосердие к тому, кому еще тяжелее, чем самому герою, ибо, как сказано у Сведенборга, «эти оба рода любви, то есть любовь к себе и любовь к миру, царствуют в аду и образуют (*faciant*) его...» [Сведенборг: 374].

Иван Карамазов, отражающий основные онтологические представления писателя, жаждет Страшного суда, отвергая «эвклидовскую дичь» (знаменитый концепт Достоевского « $2 \times 2 \neq 4$ »¹):

Я веровал, я хочу сам и видеть, а если к тому часу буду уже мертв, то пусть воскресят меня, ибо если всё без меня произойдет, то будет слишком обидно <...> Я хочу видеть своими глазами, как лань ляжет подле льва и как зарезанный встанет и обнимется с убившим его. Я хочу быть тут, когда все вдруг узнают, для чего всё так было. На этом желании зиждутся все религии на земле, а я верую [Достоевский 14: 222].

¹ См.: [Сытина: 128–147].

Образ черта, демоническое начало alter ego Ивана, является также провозгласить Теодицею. Описание тонкого сна Ивана или, с позитивистской точки зрения, диссоциативного расстройтва идентичности (раздвоения личности), и диалог с собственным эго, понадобилось Достоевскому для того, чтобы озвучить аксиологические концепты, разобрав их с разных точек зрения. Ведь именно Иван является автором «Легенды о великом инквизиторе», «Легенды о рае» и главы «Геологический переворот».

Нарисовав яркими мазками свой возможный образ («Воистину ты злишься на меня за то, что я не явился тебе как-нибудь в красном сиянии, “гремя и блистая”, с опаленными крыльями, а предстал в таком скромном виде» [Достоевский 15: 81]), черт представляет свое видение иного мира — пародийно-издевательское по отношению к традиционному религиозному сознанию. Но именно он поднимает самый важный вопрос, каким задавался и Достоевский:

Каким-то там довременным назначением, которого я никогда разоб-
рать не мог, я определен «отрицать», между тем я искренно добр и к отри-
цанию совсем не способен <...> Без критики будет одна «осанна». Но для
жизни мало одной «осанны», надо, чтоб «осанна»-то эта переходила через
горнило сомнений, ну и так далее, в этом роде! [Достоевский 15: 77].

Вопрос об осанне переходит в вопрос о вере. Представляя часть души Ивана, его собеседник признается, что мечтает о безусловной вере, такой, какая присуща по мысли Достоевского, представителям народа:

Я отдал бы всю эту надзвездную жизнь, все чины и почести за то только,
чтобы воплотиться в душу семипудовой купчихи и Богу свечки ставить.—
Уж и ты в Бога не веришь? — ненавистно усмехнулся Иван.— То есть как
тебе это сказать, если ты только серьезно...— Есть Бог или нет? — опять со
свирепою настойчивостью крикнул Иван.— А, так ты серьезно? Голубчик
мой, ей-богу, не знаю, вот великое слово сказал.— Не знаешь, а Бога ви-
дишь? Нет, ты не сам по себе, ты — я, ты есть я и более ничего! Ты дрянь,
ты моя фантазия! [Достоевский 15: 77].

«Легенда о рае» служит доказательством существования рая и, соответственно, воздаяния, а также проясняет вопрос о природе адских мук:

А какие муки у вас на том свете, кроме-то квадриллиона? — с каким-то странным оживлением прервал Иван. — Какие муки? Ах, и не спрашивай: прежде было и так и сяк, а ныне всё больше нравственные пошли, «угрызения совести» и весь этот вздор <...> Ну, так вот этот осужденный на квадриллион постоял, посмотрел и лег поперек дороги: «Не хочу идти, из принципа не пойду!» <...> Ну-ну, что же вышло, когда дошел? — А только что ему отворили в рай, и он вступил, то, не пробыв еще двух секунд — и это по часам <...> не пробыв двух секунд, воскликнул, что за эти две секунды не только квадриллион, но квадриллион квадриллионов пройти можно, да еще возвысив в квадриллионную степень! Словом, пропел «осанну», да и пересолил, так что иные там, с образом мыслей поблагороднее, так даже руки ему не хотели подать на первых порах: слишком-де уж стремительно в консерваторы перескочил [Достоевский 15: 78, 79].

Глава «Геологический переворот» повествует о новых людях, утративших веру в Бога. «Бог умер» — провозгласит Ницше в год смерти Достоевского в 1881 г. и открывает в мировой литературе эпоху постмодерна, разрушив вселенскую гармонию, существовавшую прежде. Ю. В. Лебедев справедливо отмечает, что Достоевский утверждает новую картину мира, которая противопоставлена дуализму неба и земли. Достоевский утверждает «изначальную связь земного и небесного. Эта связь существует объективно. Она не зависит от внутреннего состояния нашего “я”. Неважно, осознает или не сознает человек эту связь. Она объективна, а не субъективна. Она онтологична, а не психологична. Она действительна, а не иллюзорна» [Лебедев: 363].

Ф. М. Достоевский очень остро чувствовал наплыв материализма и атеизма и предупреждал об этом в своих художественных и публицистических произведениях. Так, действие романа «Идиот» происходит во время разворачивающегося Апокалипсиса, поскольку Благодать, о которой провозгласил митрополит Иларион, покинула мир, заменив себя вновь Мерой. В романе «Бесы» Достоевский изобразил тотальный террор атеистов, провидчески предвидя трагические страницы революционного террора большевиков. А Черт напо-

минает Ивану о новых людях, которые «полагают разрушить все и начать с антропофагии»:

По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело! С этого, с этого надобно начинать — о слепцы, ничего не понимающие! Раз человечество отречется поголовно от Бога (а я верю, что этот период — параллель геологическим периодам — совершится), то само собою, без антропофагии, падет всё прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит всё новое. Люди совокупятся, чтобы взять от жизни всё, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человеко-бог <...> Всякий узнает, что он смертен весь, без воскресения, и примет смерть гордо и спокойно, как Бог [Достоевский 15: 83].

Путь к Осанне, который проходят герои последнего романа Ф. М. Достоевского, обуславливает его «эсхатологический оптимизм». Земля несет на себе отблеск будущего преображения, поэтому герои Достоевского не отворачиваются от земли, им дорог этот мир, в котором помимо зла, горя и бедствий, в котором помимо распада в семье Карамазовых есть много добра и любви. Жизнеутверждающая сила Зосимы и Алеши прекрасно отражается и в детской теме романа — писатель не случайно обращается к теме наставления детей и молодежи, как одной из самых важных и определяющих будущее.

Список литературы

Источники

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. СПб.: Азбука, 2018. 416 с.

Исследования

Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.

Воропаев В. А., Дергачева И. В., Конявская Е. Л., Мильков В. В. Танатологический дискурс в русской словесности XI–XXI вв. М.: Индрик, 2021. 464 с.

Дергачева И. В. Прецедентный интертекст в поэме «Великий инквизитор» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 125–140. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.9622>

И. В. Дергачева. Анагогический уровень русской классической литературы: проблемы малой и большой эсхатологии в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. СПб.: РХГА, 2017. 550 с.

Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики: Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. 264 с.

Касаткина Т. А. Особенности структуры ранних «гностических» текстов Достоевского: Анагогическая история // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 2. С. 95–115. DOI: 10.22455/2619-0311-2020-2-95-115

Лебедев Ю. В. Достоевский Федор Михайлович // Русская литература XIX в.: курс лекций для бакалавриата теологии: в 2 т. М.: Познание, 2020. Т. 2. С. 293–372.

Костенко Е. В. «Легенда о луковке» как символ милосердия // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 88–90.

Сытина Ю. Н. О бытовании формулы «2*2=4» в русской классике и о ее возможных истоках // Два века русской классики. 2019. №1. С. 128–147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-1-128-147>

References

Biblioteka F. M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie [F. M. Dostoevsky's Library: An Experience of Reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)

Voropaev, V. A., I. V. Dergacheva, E. L. Koniavskaia, and V. V. Mil'kov. *Tanatologicheskii diskurs v russkoi slovesnosti XI–XXI vv.* [Thanatological Discourse in Russian Literature of the 11th–21st Centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2021. 464 p. (In Russ.)

Dergacheva, I. V. "Precedentnyi intertekst v poeme 'Velikii inkvizitor'." ["Precedential Intertext in the Poem 'The Grand Inquisitor'."] *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 19, no. 2, 2021, pp. 125–140. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.9622> (In Russ.)

Esaoulov, I. A. *Russkaia klassika: novoe ponimanie* [Russian Classics: A New Understanding]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for Humanities Publ., 2017. 550 p. (In Russ.)

Zakharov, V. N. *Problemy istoricheskoi poetiki: Etnologicheskie aspekty* [Problems of Historical Poetics: Ethnological Aspects]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 264 p. (In Russ.)

Kasatkina, T. A. "Osobennosti struktury rannikh 'gnosticheskikh' tekstov Dostoevskogo: Anagogicheskaiia istoriia" ["Anagogic Story as the Specific Structure of Dostoevsky's Early 'Gnostic' Texts"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2, 2020, pp. 95–115. DOI: 10.22455/2619-0311-2020-2-95-115 (In Russ.)

Lebedev, Iu. V. "Dostoevskii Fedor Mikhailovich" ["Dostoevsky Fyodor Mikhailovich"]. *Russkaia literatura XIX v.: kurs lektsii dlia bakalavriata teologii: v 2 t.* [Russian Literature of the 19th Century: Lectures for the Bachelor of Theology: in 2 vols.], vol. 2. Moscow, Poznanie Publ., 2020, pp. 293–372. (In Russ.)

Kostenko, E. V. "Legenda o lukovke' kak simvol miloserdiiia" ["The Legend of the Onion' as a Symbol of Mercy"]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4, 2009, pp. 88–90. (In Russ.)

Sytina, Iu. N. "O bytovanii formuly '2*2=4' v russkoi klassike i o ee vozmozhnykh istokakh" ["The Formula 'Two Times Two is Four' in the Russian Classics and Its Possible Origins"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 1, no. 1, 2019, pp. 128–147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-1-128-147> (In Russ.)